

Когда Ли Чжуннань и Сяо Чжоухэн вошли в главный зал, они увидели, что Хань Теи уже сидит за столом, не отводя взгляда от Ли Юньси, который разговаривал с Чжу Лию. Сяо Чжоухэн подумал про себя: что за напасть на Хань Теи в последнее время, ведь его взгляды стали слишком откровенными.

Рядом с Ли Юньси и Чжу Лию стоял старик в даосском одеянии с белыми бровями и длинной бородой. Видимо, это был даос Сунцзянь, который и привел Ли Чжуннаня в усадьбу.

Зал был освещён серебряными свечами, столы украшены золотыми кубками, воздух наполнен ароматом благовоний, а пол покрыт разноцветными коврами. Даже на низких столиках были вырезаны узоры, напоминающие западные мотивы, что в сочетании с традиционным убранством создавало уникальную атмосферу. Сяо Чжоухэн, ранее бывавший с Гуань Цюньфэном в чужих землях, видел подобные вещи и чувствовал себя здесь почти как дома. Он тихо сказал Ли Чжуннаню:

— Юньси тоже общается с иностранцами?

— Конечно, когда на границах нет войн, начинается торговля. Чай Пэйчжи пользуется большой популярностью, — ответил Ли Чжуннань, одновременно поправляя воротник Сяо Чжоухэна.

Сяо Чжоухэн покраснел, смущённо отведя взгляд от Ли Чжуннаня и посмотрев на Ли Юньси, сидевшего вдалеке.

— Мой младший брат, конечно, красив, но ты не можешь постоянно на него смотреть.

— ... Ты слишком много говоришь.

Ли Юньси был одет в дорогой красный шёлк, его лицо оставалось бесстрастным, словно высеченным из камня, с оттенком дымки.

Сяо Чжоухэн заметил, что на его пальцах были надеты несколько колец из агата и золота, разных размеров и форм, но того самого перстня, который он видел в тот день, не было.

Правила в усадьбе были не такими строгими, как в резиденции Ли, и Ли Юньси не любил музыку, поэтому после нескольких вежливых фраз гости начали ужинать. Ли Чжуннань и Чжу Лию умело поддерживали разговор, и хотя они были незнакомы, несколько старых историй и лёгких шуток сделали вечер приятным.

Хань Теи же молчал, не переставая пить. Сяо Чжоухэн попытался уговорить его остановиться, но тот не реагировал.

Когда вино начало ударять в голову, глаза Хань Теи покраснели, и он внезапно прервал разговор:

— Вы, учёные, когда пьёте, всегда стихи сочиняете?

Сяо Чжоухэн испугался, вспомнив недавний инцидент с Хань Теи, и не знал, что ответить. Но Хань Теи продолжил:

— Я, простой человек, не умею такого, но однажды услышал строчку, которая мне понравилась, и запомнил её.

С пьяными глазами он произнёс:

— Проснувшись, не знаю, что луна взошла, весь в цветах... прошу... поддержки.

С этими словами он встал, шатаясь, и подошёл к столу Ли Юньси. Оперевшись руками на стол, он закрыл собой свет свечей и благовоний, оказавшись прямо перед Ли Юньси. Чжу Лию, увидев это, хотел встать, но Ли Юньси остановил его жестом.

Хань Теи хрипло произнёс:

— Спасибо за твою доброту, Юньси. Ты знаешь, что я хочу пить с тобой в цветущем поле?

В глазах Ли Юньси, обычно неприступных, появилась редкая улыбка, и его губы, окрашенные вином, стали бледнее:

— Нелепость.

Сяо Чжоухэн был шокирован, ведь он явно заметил проблеск тревоги в глазах Ли Юньси.

Это действительно было нелепо, и Сяо Чжоухэн тоже так считал.

Такие мысли были лишними.

В самый разгар вечера раздался голос:

— Так вот почему Пэйчжи так резко отказалась от моего приглашения — у неё гости.

В зал вошёл человек, окружённый сладким, одурманивающим ароматом, с изящной женщиной на руке.

Это был не кто иной, как князь Му, Тань Чжао.

Нельзя не сказать, что появление князя было несколько неловким.

Князь Му Тань Чжао был третьим сыном покойного императора. Его мать, наложница, не пользовалась благосклонностью, а сам Тань Чжао был известен как поклонник удовольствий. Несколько земель в Чанчжоу были его владениями, и император оставил его в покое, позволив жить здесь как свободному князю, далёкому от столичных дел.

Но все знали, что после споров о наследнике престола пять лет назад он больше не был просто безвластным князем, ведь за его спиной стоял министр Чжун Бугуй.

Тот самый министр Чжун Бугуй, который держал в руках всю власть при дворе.

Не важно, был ли Тань Чжао марионеткой или пешкой в руках Чжун Бугуя, или просто прикрытием для его амбиций, но в нынешней политической ситуации Тань Чжао был фигурой, которую нельзя было обижать.

Тань Чжао был высоким, с блуждающим взглядом, одетым в яркие шёлка и украшенным драгоценностями. Сяо Чжоухэн сразу подумал, что он похож на дикого фазана, случайно попавшего в стаю белых журавлей.

Женщина, сопровождавшая его, была его новой фавориткой, по имени Мяомяо. Её красота и грация сразу привлекли внимание всех присутствующих. Её лицо было как цветы персика, а

платье с вышитыми пионами подчёркивало её тонкую талию, украшенную серебряными нитями и колокольчиками, которые звенели при каждом шаге. Даже Сяо Чжоухэн не мог оторвать взгляд от этих звонков.

Когда Сяо Чжоухэн заметил, как Тань Чжао бесстыдно разглядывает Ли Юньси, он почувствовал, как Хань Теи готов разорвать его на куски.

Тань Чжао, казалось, не замечал напряжённой атмосферы и сел рядом с Ли Юньси, потребовав вина. Мямля, улыбаясь, взяла кувшин и налила ему.

Ли Юньси приказал подать ещё угощений, и только после этого представил гостей:

— Прошу прощения, князь, Пэйчжи не хотела вас обидеть.

Ли Юньси поднял бокал, опустив глаза.

— Но вы знаете, что в последнее время в усадьбе происходят неприятности. Недавно рыба в пруду погибла, цветы в саду завяли, а несколько слуг сломали ноги, спускаясь с горы. Я боялся, что если вы посетите наше скромное место, что-то может случиться, и я не смогу за это ответить. Поэтому я послушал совет даоса Сунцзяня и пригласил господина Ли и других в усадьбу.

Он кивнул в сторону Ли Чжуннаня и даоса.

Тань Чжао протяжно произнёс:

— А-а-а, — не дав Ли Чжуннаню возможности ответить.

Он оглядел Сяо Чжоухэна и Хань Теи, словно не считая их достойными внимания, и лишь ненадолго остановил взгляд на даосе, прежде чем медленно произнёс:

— А почему Пэйчжи не приехала в мою резиденцию?

Эти слова повисли в воздухе, и свет свечей, казалось, померк на мгновение.

— Вы шутите, князь, — Ли Юньси выпил свой бокал и снова наполнил его. — Как хозяин усадьбы, я не могу оставить свои дела. Спасибо за вашу заботу, я недостоин её. Позвольте мне поднять ещё один бокал за ваше здоровье...

— Усадьба не может обойтись без тебя? Разве не есть второй хозяин, Чжу?

Тань Чжао указал пальцем на Чжу Лию, насмешливо улыбаясь.

— Разве Чжу не всегда занимались торговлей? Почему в этом поколении они стали слабаками, потеряли своё дело, не могут вести счёта и теперь ходят за другими, как рабы?

Его слова и смех были отвратительны, словно он получал удовольствие от унижения других. Лицо Чжу Лию покрылось трещинами, и он дрожал, но сдерживался, не говоря ни слова.

Хотя Сяо Чжоухэн видел Чжу Лию лишь несколько раз за последние дни, он уже успел оценить этого доброго и приятного человека. Зная историю упадка семьи Чжу, он чувствовал с ним сходство и хотел помочь, но перед ним был князь Му Тань Чжао, и он не мог найти подходящих слов.

Переплывая реку, год за годом, в конце концов, прощаю. Долго и вечно, юг и берег, Ли Чжуннань действительно романтичен.

Хань Теи, желающий пить с младшим братом в цветущем поле, тоже романтичен.

Ти (четвертый тон) Джиао: нежный, женственный вид.

<http://bllate.org/book/16134/1444629>